

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-70-88>
УДК 94(47) 470.56

КРЕСТЬЯНЕ ПРОТИВ ВОЕВОДЫ. ИСТОРИЯ ОДНОГО КОНФЛИКТА ИЛИ СЫСКНОЕ ДЕЛО XVII В.

Ю.А. Мизис,

*Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина, ул. Интернациональная
д. 33. Тамбов, Российская Федерация*

Аннотация

Введение. В статье рассматривается крупное следственное дело по челобитной дворцовых крестьян Верхоценской волости, Тамбовского уезда против первого тамбовского воеводы Р.Ф. Боборыкина. **Материалы и методы.** В статье используется большой документ, около 800 страниц следственного дела. Его сохранность объясняется ведением следственного дела казанским и Сибирским приказами, которыми в рассматриваемый период ведал, как правило, один и тот же человек. В частности, им был, боярин, князь Борис Михайлович Лыков (Казанским - 1635-1640 гг.) и Сибирским - 1639-1642 гг. приказами). Отсутствие документов Приказа Большого дворца, сгоревшего в начале XVIII в., делает этот источник уникальным. В архивах сохранилось крайне мало документов по начальному периоду строительства Тамбова и освоения Тамбовского уезда во второй половине XVII в. В работе были использованы сравнительно-исторический, микро исторический, картографический и др. методы научного исследования. **Результаты.** Спор дворцовых крестьян с воеводой явился уникальным событием XVII в., как протест дворцовых крестьян против своего бывшего воеводы, вовлекший в свой оборот три государственных приказа: Дворцовый, Казанский и Сибирский, а также лично царя Михаила Федоровича. Поражает и длительность ведения этого следственного дела, потребовавшего значительных финансовых расходов на его реализацию, связанного с постоянной посылкой своих представителей в Москву, отправкой сыщиков. **Заключение.** Само следственное дело отражает технологию ведения судопроизводства XVII в., взаимоотношения центральной, местной власти и крестьянского мира, настойчивость последних отстаивать свои имущественные интересы, вера крестьян в царя, как их владельца и защитника. Такая активная позиция была больше характерна для служилых людей, чем крестьян.

Ключевые слова: волость, крестьяне, воевода, князь, челобитчик

Для цитирования: Мизис Ю.А. (2024). Крестьяне против воеводы. История одного конфликта или сыскное дело XVII в. // История: факты и символы. № 2 (39). С. 70-88 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-70-88>

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

Статья поступила: 12.02.2024

Статья принята в печать: 08.04.2024

Статья опубликована: 14.06.2024

© Мизис Ю., 2024

**PEASANTS AGAINST THE GOVERNOR.
THE HISTORY OF ONE CONFLICT OF THE XVII CENTURY**

*Yuri A. Mizis,
Derzhavin Tambov State University,
st. International, 33. Tambov, Russia*

Abstract

Introduction. The article examines a major investigative case on the petition of the palace peasants of the Verkhotsensky volost, Tambov district against the first Tambov governor R.F. Boborykina. **Materials and methods.** The article uses a large document, about 800 pages of the investigative file. Its preservation is explained by the conduct of the investigative case by the Kazan and Siberian orders, which during the period under review were, as a rule, in charge of the same person. In particular, he was the boyar, Prince Boris Mikhailovich Lykov (Kazan - 1635-1640) and Siberian - 1639-1642 orders). The absence of documents from the Order of the Grand Palace, which burned down at the beginning of the 18th century, makes this source unique. The archives have preserved very few documents on the initial period of the construction of Tambov and the development of the Tambov district in the second half of the 17th century. The work used comparative historical, micro historical, cartographic and other methods of scientific research. **Results.** The dispute between the palace peasants and the governor was a unique event of the 17th century, as a protest of the palace peasants against their former governor, which involved three state orders: Palace, Kazan and Siberian, as well as Tsar Mikhail Fedorovich personally. The duration of this investigative case is also striking, which required significant financial expenses for its implementation, associated with the constant sending of its representatives to Moscow and the dispatch of detectives. **Conclusion.** The investigative case itself reflects the technology of legal proceedings of the 17th century, the relationship between the central and local authorities and the peasant world, the persistence of the latter to defend their property interests, the faith of the peasants in the tsar as their owner and protector. Such an active position was more typical of service people than peasants.

Key words: volost, peasants, governor, prince, petitioner

For citation: Mizis Yu. (2024). Peasants against the governor. The story of a conflict or a detective case of the 17th century In *History: facts and symbols*, 39 (2), 70-88 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-70-88>

Funding: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 21-18-00024) on the basis of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bunin Yelets State University"

Received: 12.02.2024

Revised: 08.04.2024

Published: 14.06.2024

© Mizis Yu., 2024

1. Введение

Случаи противостояния воевод и корпорации служилых людей в России XVII в. встречались достаточно часто и нашли свое отражение в исторической литературе. Иногда они выливались в форму коллективных челобитий от имени всего города и уезда в московские приказы, в других случаях – в жалобы отдельных лиц или групп. Они отражали реакцию государевых служилых людей на воеводские действия, нарушавшие сложившиеся традиции взаимодействия местной власти и корпорации служилых людей. Чаще всего такие

конфликты возникали на границах государства, где контроль центральной власти оставался меньшим, чем в центральных уездах, и у воевод появлялся соблазн попользоваться властью для личного обогащения [10, с. 21 – 24; 11].

2. Методы и материалы. Основу исследования составили материалы фондов Государственного архива Древних актов, прежде всего, Сибирского приказа. Большое следственное дело по этому вопросу, получившее неофициальное название «Тамбовское сыскное дело», было начато в 1638 г. и закончено в 1640 г. [17]. Оно составило более 800 страниц рукописного текста. Ретроспективный анализ документа позволил проследить процесс проведения сыска по коллективной челобитной в XVII в., уточнить многие детали жизни первых лет существования г. Тамбова и уезда. Сыскное дело многослойное, в состав которого входила информация не только о самом следствии, но и включало немало примеров о различных аспектах жизни Тамбовского уезда в начальный период его формирования. В ходе исследования был применен микро исторический подход к комплексному изучению темы, использован сравнительно-исторический метод.

3. Результаты

Жалобы дворцовых крестьян на деятельность воевод имели место, однако конфликт между дворцовыми крестьянами и воеводой, закончившийся подачей нескольких коллективных челобитных, рассматриваемых на уровне царя с подключением аппарата нескольких приказов, факт абсолютно редкий, можно сказать, уникальный. Это связано с системой управления дворцовыми землями, которыми руководил управляющий волостью или, если большая часть уезда составляла дворцовые владения, специальный воевода [4, с. 314 – 322; 7, с. 164 – 173; 8, с. 279 – 289, 19, с. 57-58]. В этих случаях уездный воевода практически не вмешивался в хозяйственную жизнь дворцовых земель. Поэтому конфликт между первым тамбовским воеводой Р.Ф. Боборыкиным и крестьянами Верхоценской волости выходил за рамки обычных традиционных взаимоотношений региональной власти и крестьянского мира¹ [1]. За Р. Ф. Боборыкиным накопилась масса дел, которые вызвали серьезный конфликт с дворцовыми крестьянами Верхоценской волости. Знакомство Р. Ф. Боборыкина с дворцовой Верхоценской волостью состоялось во время его воеводства в Шацке в 1631 – 32 гг. [13, с. 36 – 54]. Именно здесь лежали семена будущего раздора.

Это был период активного освоения новых южных пространств России [15, с. 380 – 384; 20, с. 187-271]. Возглавив работы по строительству нового города, находясь на воеводстве в Тамбове с 1636 – 38 гг., он занимался возведением, как городских укреплений, так и полевых сооружений Тамбовской черты, разъединением Шацкого и Тамбовского уездов, разделением дворцовой волости на две части. Одна осталась в Шацком уезде в виде Ценской волости, другая отошла в Тамбовский как Верхоценская волость. Это искусственное разделение бывшей единой волости на две части вряд ли вызывало положительные эмоции у местных жителей, имевшие старинные общежитейские традиции и налаженные хозяйственные связи.

Направленный воеводой в Шацк в 1631 г. молодой Р.Ф. Боборыкин получил от владелицы Верхоценской волости Марфы Иоанновны право на сбор налогов и суд, что закреплялось особой грамотой, которая сохранилась в судебном деле [17, л. 640 – 649]. Мать царя велела воеводе ведать с. Конобеево (административный центр волости), весь Конобеевский присуд и Верхоценскую волость: собирать и беречь столовые припасы, а также править суд, собирать судебные пошлины. Так с судных дел полагалось брать с суда по 2 алтына, а с рублевой пошлины с рубля по гривне, межевого 2 алтына. Воеводе поручался контроль за

¹ Потеря документов Приказов Большого дворца и Казанского во время пожаров Москвы резко ограничивает возможность проследить многие детали заселения и освоения Тамбовского уезда, особенно в первые годы его существования. Поэтому каждый новый документ позволяет по новому осветить некоторые вопросы колонизации Почежья.

торговыми оборотами: с бортников за продажу лошади собирали 3 деньги, а с приезжих людей – по алтыну. За поимку нарушителя бортного или рыбного владения требовалось изымать половину полтины, с душегуба – по 4 руб. с одного убитого. Воеводе вменялось в обязанности следить за порядком в волости, чтобы никто не обижал без вины крестьян и бортников, а сами они не крали, не воровали, не играли в зернь, не держали продажного вина, не содержали публичных притонов. Крестьян за воровство приказывали бить батогами и передавать на поруки.

Так за держание продажного питья штраф составлял полтину, а при повторной поимке увеличивался вдвое. Если попадался третий раз, то штраф составлял 2 руб., 4 алтына, 1,5 деньги. Собранные деньги требовалось высылать государыне в Москву. К праздникам, свадьбам и родительским дням крестьянам и бортникам разрешалось изготавливать пиво и мед, заплатив приказным людям по 2 деньги. Пить разрешалось смирно по 2 или 3 дня, «а больше того пить им не велеть» [17, л. 640 – 649]. Воеводе разрешалось выбирать старост и целовальников из «лутчих» людей. А в Конобеевском присуде выбрать двух целовальников, которые должны были стоять, переменяясь каждую неделю, летом и осенью на р. Цне для контроля за рыбными ловцами с продажной рыбой. С них собиралась пошлина: со свежей рыбы – каждая десятая, а с соленой – 1 бочка из десяти. Таким образом, на обиход царицы шла десятая часть от пойманной рыбы. В зимнее время целовальников переводили в острог на ворота казачьей слободы около Шацка, где они собирали пошлину с возов.

Воевода должен был собирать вытные, куничные деньги и столовые припасы: мед, вино, полтевое мясо (в тушах), масло коровье и хмель. Причем подчеркивалось, чтобы продукты поступали хорошие, мед держать в липовых кадях, а масло в глиняных горшках, вино без пригара, а хмель сухой. А если крестьяне привезут продукты худые, то с них воеводе приказывали брать пеню. В наказе подчеркивалась норма сбора с выти по 4 алтына денег, хлеба по четверти ржи и овса в московскую меру, хлеб печеный, окорок свинины, 2 курицы, овчину, 2 поярка и 120 копен сена. Всего дохода планировалось собрать только с Конобеевского присуде по 30 четвертей ржи и овса, 10 четвертей солода, 5 четвертей пшеницы, 15 полтей мяса, 10 баранов, 50 кур, 5 пуд. солода, 120 копен сена. Такой же объем накладывался и на Верхоценскую волость. С Черной слободы с выти собирали по 4 алтына денег, ржи и овса по четверти, хлеб печеный, окорок, 2 курицы, овчину и 2 поярка¹. Для поездки на Дон крестьянам и мордве требовалось обратиться к приказным людям, но без воеводской памяти с печатью никого пропускать на заставах не разрешалось. Воевода следил за работой кабаков и доходов с них. Таким образом, этот указ давал воеводе широкие полномочия по управлению вотчиной царицы и создавал массу возможностей для коррупции [2, с. 5 – 11].

Позднее, занимаясь строительством Тамбова в 1636 г., Р. Ф Боборыкин широко использовал дворцовых крестьян [12, с. 418, 422]. В челобитной царю крестьяне Верхоценской волости жаловались, что в 1636 г. их привлекали не только к строительству крепости и полевых укреплений, но половину строителей «неволею» принуждали к поездкам в степь для охраны рубежей от возможных татарских набегов [15, л. 327 – 333; 17, л. 640 – 649]. По жалобе крестьян воевода, якобы, потребовал с них 400 руб., освобождая от таких выездов в степь. Его обвиняли в сборе лишних денег. В 1637 г. он доправил на них 600 руб., а на Богоявление (6 января) – еще 1000 руб. [17, л. 783 – 784]. В 1638 г. дворцовые крестьяне привезли в Тамбов оброчные деньги и припасы: 1,5 тысяч денег, 10 руб. с выти, 2 пуда меду, 2 пуда свиного мяса, 0,5 пуд. коровьего масла и 0,5 пуд. хмеля. Однако, по челобитной крестьян, воевода заставил на «себя» заплатить 2 пуда меда, 2 пуда свиного мяса с выти, 300 четвертей овса. Он ежемесячно посылал своих людей в волость за сбором пошлин, где его люди по ночам «имают» попов, крестьян и мордву, что привело к бегству их в свои вотчи-

¹ Шерсть получаемая с первой стрижки молодых овец.

ны. Под наказание попадали жены и дети местного населения, от церкви отстраняли священников. С мордвы и крестьян собирали деньги с каждого двора от 5 до 100 и более рублей. При отсутствии денег люди Р. Ф. Бобрыкина отбирали лошадей, коров, платье и опечатывали дворы, а за прогоны брали от 1 до 5 руб.

Р. Ф. Боборыкин поставил на Моршенских воротах, около с. Морша, через которые крестьяне и мордва ездили в свои бортные вотчины, караулы. Возвращающихся со своих вотчин бортников караульные грабили, отбирая мед, рыбу и зверей, что причиняло местному населению убытки. Попытка пожаловаться тамбовскому воеводе приводила к наказанию челобитчиков тюрьмой и батогами. За то, что крестьяне не отказались от желания подавать челобитья на тамбовского воеводу, с них доправили «правежом» еще 300 руб., 7 мерин, пятинных 50 руб. Все эти претензии крестьяне и бортники Верхоценской волости изложили в своей челобитной. Поэтому дворцовые крестьяне просили вернуться к практике использования для сбора налогов приказных людей, а не воевод.

Дело поступило в Сибирский приказ, куда Р.Ф. Боборыкина вызвали для очной ставки. Он заявил, что никаких денег и лошадей не брал, в тюрьму никого не сажал, а его люди выезжали в волость для государева дела. При личном допросе в Сибирском приказе Р. Ф. Боборыкин отметил постоянные проезды на Волгу, Яик и Дон через Моршенские ворота беглых людей, в том числе московских стрельцов и боярских холопов. При этом привел пример с местным крестьянином И. Дураковым, который пропускал беглых и сам «выбежал». Воевода посылал туда только целовальников и стрельцов, а своих людей на ворота не ставил. В ответ челобитчики Н. Хрычов и Н. Зерщик называли Романовых людей А. Филимонова и Н. Обросимова, которые с проезжих людей здесь собирали вяленую рыбу, мед и совершали насильственные действия. Однако А. Филимонов на очной ставке в приказе отрицал свою поездку к Моршенским воротам.

Вообще начало дела было связано со ссылкой в сибирский Туруханск бывшего священника с. Черленово, Никольского попа Григория, который, по мнению крестьян, «одабривал» тамбовского воеводу без мирского челобитья. До принятия сана Григорий участвовал в военных столкновениях с татарами, ловил противника и «ссек» саблех 6 татар. Его обвинили в составлении ложной челобитной от имени крестьян Верхоценской волости, многие из которых ко времени ее написания умерли, находились на своих промыслах или в отъезде. Сам Григорий еще в 1638 г. подготовил письмо в Москву на «ложных» челобитчиков Н. Зерщикова, Н. Хрычова и их товарищей. Он обвинил их в плутовстве, душегубстве и татьбе в Шацком и Тамбовском уездах [17, л. 112]. По решению суда попа Григория отправили в 1641 г. вместе с женой и детьми на вечное поселение в Сибирь, в Туруханск, в церковь Преображения Спасова, которая стояла без церковного обслуживания [17, л. 3 – 6, 112 – 117]. По ссудному делу он оказался единственным участником процесса, получившим наказание.

Поскольку дело было начато в Сибирском приказе, то и в дальнейшем рассматривалось там. Кроме того, Шацкий уезд одно время управлялся Казанским приказом. Руководство обоими приказами длительное время осуществлял, как правило, один и тот же человек. Руководил Казанским и Сибирским приказами в это время боярин, князь Б. М. Лыков, а в помощниках у него состоял дьяк Н. Шипулин. Возможно, Михаил Федорович передал дело в Сибирский приказ ради объективного рассмотрения, так как дворцовые земли управлялись Приказом Большого дворца [3, с. 26 – 33; 17, л. 542].

Особняком в сыском деле стояла жалоба дворянина С. И. Лутковского на Р.Ф. Боборыкина о краже у него мерина. С. И. Лутковский купил лошадь у князя М. М. Шаховского. Тогда мерину было 5 лет, и стоил он 30 руб. С. И. Лутковский оставил коня у бывшего владельца, у которого на Успенье сбежали два человека и увели лошадь. В 1640 г. М. И. Шаховской увидел этого коня у Р.Ф. Боборыкина. Последний сказал, что купил его у донского казака Ф. Козакова. А по государеву указу лошадь, приобретенная у донского казака,

не подлежала суду. Взамен бывший тамбовский воевода пообещал С. И. Лутковскому замену и прислал коня стоимостью 3 руб. Был допрошен человек Р. Ф. Боборыкина К. Кириллов, который на пытке признался, что взял мерина у верхоценского крестьянина И. Яковлева. Р.Ф. Боборыкин того мерина отдал своему брату М. О. Оничкову, который находился на службе в Туле. В Тулу местному воеводе А. Н. Трубецкому отправили грамоту с требованием изъятия лошади и отправки ее в Москву в Сибирский приказ, что и было выполнено. Дело о краже лошади лично заинтересовался государь. Трудно сказать, почему этот эпизод попал в следственное дело крестьян, скорее всего, на Р. Ф. Боборыкина собирали весь имеющийся компромат.

Верхоценские челобитчики К. Орзянинов с товарищами первоначально подали челобитную в Приказ Большого дворца, затем уехали из Москвы обратно в волость, а в Сибирский приказ ничего не отнесли. Всего челобитчиков насчитывалось 16 человек. После их отъезда, крестьяне Н. Зерщик и Н. Хрычов с товарищами подали в Сибирский приказ, боярину Б. М. Лыкову, челобитную на Р.Ф. Боборыкина от имени всей Верхоценской волости. Они обвиняли людей Р. Ф. Боборыкина в налогах, «продажах» и убытках, взятии посулов, грабежах. У них с руководителем приказа состоялась очная ставка «с очи на очи» и допрос. Они говорили, что государь пожаловал за «городовое» дело по строительству Тамбова снять с них половину оброка.

Сами первые челобитчики с Р. Ф. Боборыкиным во всех своих исках помирились «по приказу и по совету всей Верхоценской волости», мировую челобитную подали в Сибирский приказ за неделю до «Великого поста» в 1639 г., а затем съехали с Москвы. На очной ставке они подчеркнули, что становые старосты, выборные целовальники и «лутчие» люди при договоре с Р. Ф. Боборыкиным присутствовали у мировых записей. Они подали свою мировую челобитную на имя государя в Сибирский приказ за «поповыми руками и за своими знаменами».

В ответ на челобитную крестьян Верхоценской волости воевода, стольник Р.Ф. Боборыкин подал свою. Он два раза высказывал свою точку зрения на этот конфликт в 1638 и 1639 гг., отрицая нанесение обид и насильственных действий по отношению к дворцовым крестьянам [17, л. 126]. В 1639 г. 12 марта старосты Верхоценской волости д. Шаморги В. Пороватов, С. Трепелев, выборные целовальники и «лутчие люди» из крестьян и мордвы целовальники П. Шуетин, Б. Шинкин, Т. Федотов и другие приехали в Москву по совету и приказу якобы всей Верхоценской волости. 7 мая 1639 г. они подали князю Б. М. Лыкову челобитную на Р. Ф. Боборыкина [17, л. 159 – 171, 474 – 490]. Однако им не давали полномочий мириться с Р. Ф. Боборыкиным, что сделали они самовольно. Р. Ф. Боборыкин ссылался на тамбовского воеводу В. Янова, который жаловался, что челобитчики, съехав в Верхоценскую волость «...завели там круги, и твоего государева указу не послушали, и его пресыльщиком учинились сильны» [17, л. 590]. Бывший тамбовский воевода просил вызвать в Москву на очную ставку жалобщиков и устроить суд.

В день Благовещения 6 июня 1639 г. на паперти боярина, князя Б. М. Лыкова крестьяне с. Кулеватова П. Шуетин с товарищами, которые помирились с Р. Ф. Боборыкиным, подали челобитную. В ней они писали, что они помирились с воеводой Р. Ф. Боборыкиным по совету и приказу всей Верхоценской волости [17, л. 376 – 377]. В то же время их «наймиты», в это время проживающие в Москве, Н. Зерщик, М. Созыкин и Н. Хрычов подали челобитную, якобы, ложно. У них не имелось грамот от старост, выборных целовальников и «лутчих» людей, так как все они в это время были сами в Москве с челобитной. Ответная челобитная обвиняла Н. Зерщика, Н. Хрычова, что они «новоприходцы» и не представляли всей Верхоценской волости, так как Н. Зерщик крестьянин из нового с. Благовещенского, а Н. Хрычов из Чернеевой слободы шацкого монастыря, которая находилась в Шацком уезде. Напомнили, что Н. Хрычов в период строительства Тамбова «лаял, матерны» на засечного голову Григория Свищева, пытался завести «великую смуту» и грозился его убить. Он же

подговаривал всем разойтись от засечных дел в период строительства тамбовских укреплений. За это был бит по приказу воеводы в Тамбове кнутом.

Новые челобитчики, якобы, представляли интересы только одного десятка, а не всей Верхоценской волости [17, л. 588]. Именно в этом десятке служил сборщиком податей И. Дураков, который «воровством» провожал через заповедный лес на Волгу беглых людей, за что был наказан воеводой Р. Ф. Боборыкиным. Воевода доказывал, что в волости не знали, кто сборы «поклепные» деньги собирал. Эти «ложные» челобитчики дважды уезжали из Москвы в Верхоценскую волость, подговаривая друзей потакать их речам.

Челобитчики жили в Москве, задолжали полторы тысячи руб., занимая каждый месяц по 4 руб., а отчет о деньгах никому не давали. Мирских челобитчиков первоначально было 35 человек. Им выдали по 2 руб. на месяц человеку на «харчи ли, конского, и перевозного, и постоялого», плюс печатные пошлины 1,5 руб. [17, л. 581] В это же время пришли еще 16 челобитчиков и им корм стал в 2 руб. человеку. Жили они в Москве более трех недель, затем большая часть уехала обратно, и осталось только 6 человек для получения грамоты. Корм им встал в 1,5 руб. на человека, да за три грамоты они заплатили печатных 4,5 руб. За письмо трех грамот подьячему Василию Федорову заплатили 8 руб. Одного мирского челобитчика Д. Иванова посадили в Москве в тюрьму «в железо» на четыре недели и его содержание также легло на мир. Челобитчик М. Сазыкин остался за мирским волостным делом и взял заемные 6 руб., да за поруки в Казанском дворце заплатил 3 алтына 2 деньги поручных записей, а за другую поручную записку – 5 алт. Таким образом, расходы на содержание челобитчиков тяжелым бременем легли на всех крестьян волости.

Государь, рассмотрев челобитные крестьян Верхоценской волости, приказал послать 6 апреля 1639 г. в Тамбов сыщика Переяславль-Рязанского губного старосту Ф. Чеботаева для проведения сыска [17, л. 578 – 580]. 19 августа 1639 г. князь Б. М. Лыков подписал грамоту о посылке дворянина «добраго», губного старосту Ф. Чеботаева в Тамбов. Для этого ему полагалось выдать подводы из расчета расстояния в 380 верст от Переяславля-Залесского до Тамбова. На прогоны полагалось 19 алтын туда и столько же обратно. Ему поручили вслух прочесть государеву грамоту крестьянам, проверить правильность фактов приведенных в челобитной Н. Хрычова и Н. Зерщика, опросить старост, крестьян и мордву Верхоценской волости о поведении Р.Ф. Боборыкина и его людей во время воеводства в Тамбовском уезде. Опросные речи предлагалось скрепить руками отцов их духовных, то есть, священникам, а бортникам и мордве – своими знаменами [15, с. 186 – 223; 16, с. 370 – 373; 17, л. 481; 18, с. 430 – 438]. Все собранные допросы требовали прислать в Москву в Сибирский приказ.

В 1639 г. после Великого дня, то есть Пасхи, в Верхоценскую волость приехал губной староста Ф. Чеботаев. Собрав всех старост, крестьян, целовальников, бортников, он провел их опрос, принял расспросные речи, но подписать их не успел, так как его настиг «суд божий и болезнь смертельная» [17, л. 369]. Он вместе с подьячими пили вино вечером, а затем у него отнялся язык, слег в кровать, а через день скончался. Скорее всего, его настиг инсульт. После смерти сыщика, его сын Федор и губной целовальник Яков все расспросные речи раздали обратно представителям Верхоценской волости, а сами уехали в Переяславль-Рязанский, отвозя тело покойного. Челобитчики планировали эти речи привезти в Переяславль-Рязанский, а сам Ф. Чеботаев младший и целовальник Яков предлагали отвезти их в Москву.

Челобитчики поехали в Переяславль-Рязанский, но младшего Ф. Чеботаева не нашли, а целовальник Яков с ними ехать отказался. Тогда они сами поехали в Москву и подали допросные речи в Сибирский приказ. В них были записаны 10 старост крестьянских, 827 крестьян, 5 мордовских старост, 352 человека мордвы [17, л. 372]. Обнаружились нарушения в оформлении первых челобитий. Например, в допросных речах староста Верхоценской волости К. Назарьев сказал, что он во время ее составления находился в своем бортном

ухожае на Хопре, ничего о замирении с Р. Ф. Боборыкиным не знал и это произошло без его ведома [17, л. 374 – 375]. Таких примеров обнаружилось несколько. Тамбовский воевода В. Ф. Янов приказал привести ему челобитчиков Н. Зерщика с товарищами. В расспросе они сказали, что бить челом на Р. Боборыкина их посылали крестьяне и мордва всей Верхоценовской волости. Попытка привести в воеводскую избу старост, крестьян и мордву Верхоценовской волости закончилась провалом, они в Тамбов не поехали. Казаки вернулись с крестьянского круга в Тамбове, на котором челобитчиков не выдали и в государеву тамбовскую съезжую избу не пошли. В смуте объявили зачинщиками «мелких людишек» д. Морши.

Царь Михаил Федорович отправил в Тамбов нового сыщика, князя П. Р. Борятинского, и указал тамбовскому воеводе В. Ф. Янову предоставить для сыска «рассыльщиков» или пушкарей «сколько человек пригоже» [17, л. 438]. Ему выдали 8 подвод и половину его годового жалования. Он приехал в Тамбов на Филиппово Заговенье, то есть 27 ноября 1639 г. Сыщик П. Р. Борятинский по приезде в Тамбов потребовал выслать на опрос крестьян из сел и деревень Верхоценовской волости. Однако к 15 декабря 1639 г. прибыли немногие, в основном молодые люди, а старших возрастов приехало около 300 человек [17, л. 456 – 457]. Они потребовали показать государеву грамоту и прочесть ее на площади, только после этого были готовы «давать розыск». Сыщик отказался это сделать, ссылаясь, что государь ее писал лично ему. Тогда П. Р. Борятинский послал во все 4 пятины пушкарей и казаков и потребовал силой привести местное население к опросу. Силой удалось собрать всего 200 человек.

Сама поездка князя П. Р. Борятинского в Тамбовский уезд связывалась с двумя обстоятельствами. Первым – стала смерть прежнего сыщика Ф. Чоботова и рассмотрение его документации с обыскными речами. Другим обстоятельством являлась проверка «встречной» челобитной от имени крестьян Верхоценовской волости, поданной челобитчиками П. Шуетиным и И. Кистановым [17, л. 315 – 316]. Оба челобитчика уехали из Москвы обратно к себя в волость, и к указанному сроку ни 20 декабря, ни 23 января в Москве в Сибирском приказе не стали. Поэтому П. Р. Борятинскому указали выслать их обоих вновь в Москву.

П. Р. Борятинский 4 января 1640 г. отправил своего сына Ивана для подачи челобитной, которую через Сибирский приказ и думного дьяка М. Данилова донесли государю с просьбой о написании специального царского указа для всего мира Верхоценовской волости, чтобы они слушали требования нового сыщика [17, л. 445 – 448]. 18 января 1640 г. государь велел челобитную взять и приложить к делу, а боярину князю Б. М. Лыкову и дьяку Н. Шипулину допросить священников по поводу ее составления, а записанные речи предоставить царю лично.

Неудовлетворенные решением дел дворцовые крестьяне собрали группу вторых челобитчиков вместе со своими духовными отцами в лице священников, от имени всей волости приехали в Москву и подали в Сибирский приказ новую челобитную. Священников отпустили домой, а челобитчиков задержали в Москве. Челобитчиками выступили Н. Никифоров, Д. Иванов, Т. Прокопьев с товарищами [17, л. 460 – 465]. Они жаловались на «проести и волокиты» в приказе, из-за чего остались без средств существования. Крестьяне подали челобитную на Р.Ф. Боборыкина и его людей в «насильстве и раззорении», обвинили тамбовского воеводу В. Янова в поддержке бывшего воеводы, который провел обыски у населения волости. Челобитную передали государю во время его посещения собора Михаила Архангела, ссылаясь, что прежние челобитные до государя не доходили. Они жаловались, что могут помереть голодной смертью, если не покинут Москву. Крестьяне называли челобитную Н. Зерщикова и Н. Хрычова «воровской и ложной», а самих челобитчиков «новоприходцами» не «старожильцами», желающими их «мир» порушить.

Следствие П. Р. Борятинского интересовало поведение Ф. Чеботаева в Тамбове. То есть, брал ли он взятки деньгами и продуктами. Князь П. Р. Борятинский допрашивал в

феврале 1640 г. соборного попа г. Тамбова Макея. Тот подтвердил, что губной староста Ф. Чеботаев обвинялся в вымогательстве «посулов» от местных жителей в размере 300 руб., его сын Федор и подьячий получили по 20 руб., мирские дьячки А. Клеников и Г. Дунаев – по 16 руб. каждый. Однако опрошенные П. Р. Борятинским казачьи головы и крестьяне Покровской слободы г. Тамбова отказались подтвердить передачу денег прежнему допрощику, его сыну и подьячему, 50 пудов меда не «суливали» и никаких речей после смерти Ф. Чеботаева не вписывали.

20 декабря 1639 г. тамбовский полковой казак П. Бризга приехал в с. Томниково с целью взять поручные записи на крестьян для их вызова в Тамбов. Однако поруки крестьяне давать не стали и бранили казака. Попытка встретиться с попом села Матвеем не удалась. Староста сказал, что его нет, он уехал в Шацк. По требованию П. Р. Борятинского 2 февраля 1640 г. тамбовский пушкарь Я. Афонасьев и полковой казак С. Хрюпин выезжали в Верхоценскую волость для опроса крестьян. Они же должны были привезти в Тамбов попов из сел Серп, Питерского, Сыровели, Святого, Томниково, так как эти священники к 1 февраля в Тамбов для сыска не приехали. Якобы, некоторые из них находились в это время в Москве, а другие в Тамбове. То есть, местное население продолжало игнорировать требования руководства уезда. П. Р. Борятинский по приезде в Тамбов приказал привести к нему в Тамбов для проведения сыска старост крестьян, десятников пушкарей и казаков. Однако выполнить это поручение оказалось крайне сложно. Явно прослеживалась тенденция отказа от поездки в Тамбов к сыщику.

П. Р. Борятинский добился приезда только некоторых жителей Тамбовского уезда для повторного допроса: крестьян Верхоценской волости, пушкарей, казаков, в том числе и бывших донских. На большинство вопросов они давали однообразный ответ «мы то не ведаем». Некоторые жители Тамбовского уезда отказывались подтвердить их опрос сыщиком Ф. Чеботаевым, другие отмечали, что такой опрос состоялся. В частности, мирские челобитчики от Верхоценской волости крестьяне Т. Митянин, Н. Хрычов с товарищами подтвердили, что Ф. Чеботаев опрашивал старост, целовальников, крестьян и мордву Верхоценской волости [17, л. 234 – 248].

П. Р. Борятинский 4 января 1640 г. отправил своего сына Ивана для подачи челобитной, которую через Сибирский приказ и думного дьяка М. Данилова донесли государю с просьбой о написании специального царского указа для всего мира Верхоценской волости, чтобы они слушали требования нового сыщика [17, л. 445 – 448]. 18 января 1640 г. государь велел челобитную взять и приложить к делу, а боярину князю Б. М. Лыкову и дьяку Н. Шипулину допросить священников по поводу составления челобитной, а записанные речи представить царю лично. Поэтому 20 января 1640 г. руководители Сибирского приказа взяли к делу крестьян Нижней и Верхней пятины, которые подтвердили подлинность подписей крестьян и знамен. Многие челобитчики вместе с отцами своими духовными пришли в Москву со своей «нужой», разорением и бедностью. Челобитчик П. Григорьев с товарищами отметили написание челобитной в Москве, так как в Верхоценской волости отсутствовали площадные дьячки. Они пришли в Москву от мира, но писать было некому. Священники сказали, что руки прикладывали они, челобитную не писали, так как «письмишко их худо», а написал ту челобитную в Москве площадной подьячий Прокопий у церкви Троицы на рву. Челобитчики послали из Москвы в Верхоценскую волость М. Сазыкина, М. Мягкова и Е. Мордвина, которые по замыслам расследования учинили там «смуту» и опять возвратились в Москву.

Другие опрошенные крестьяне и мордовцы подтвердили допрос Ф. Чеботаевым старост, целовальников, крестьян и мордву, а также посылку челобитчиков в Москву во главе с С. Трепилиным, В. Пороватьевым, П. Шуетиным и 17 товарищей [17, л. 234 – 248]. Они подали челобитную в Сибирский приказ 23 августа 1639 г. После чего помирились с Р. Ф. Боборыкиным, якобы, без ведома мирских людей Верхоценской волости. Челобитчики жили

на Москве и занимали деньги в кабалы и рост. По слухам заняли 1,5 тысячи руб., хотя крестьяне им велели занимать не более 5 руб. в месяц, которые могли компенсировать. Многие крестьяне при опросе подчеркнули отсутствие полномочий замирииться с Р. Ф. Боборыкиным у этих челобитчиков. Всего требовалось опросить русских и мордву с 4 пятин, 1080 дворов Верхоценской волости. Успел ли это сделать первый сыщик, неизвестно. При опросе священники давали показания по святцам, крестьяне «по крестному целованию», а мордва по своей шерти. Некоторые крестьяне и казаки сел Томниково и Алакужи подчеркнули, что на допросе не были, показания не давали, никаких обид от Романа и его людей не терпели. Опрос полковых казаков, всего их насчитывалось 540 человек, показал, что их прежний «допрощик» не опрашивал и они никаких речей ему не давали.

Опрос крестьян П. Р. Борятинским показал, что первая группа верхоценских челобитчиков 17 человек во главе с С. Трепилиным, П. Шуетиным, якобы, приехала в Москву без «мирского» челобитья, то есть, не согласовав его со всем крестьянским миром, без государева указа, выступая самозвано от имени всей Верхоценской волости [17, л. 90 – 92]. В деле фигурировало две челобитные. Одна, подписанная группой священников от имени их паствы, а другая, от имени мирских людей. Правда, вторую челобитную также скрепили их духовные отцы. Челобитчики помирились с Р.Ф. Боборыкиным и составили мировую запись на шесть тысяч рублей, закрепив ее своими подписями и «знаменами»¹. По мировой записи значилось, если бывший тамбовский воевода или его люди на старост, целовальников и мордву начнут бить государю челом, тогда с него предлагалось взять 6 тысяч рублей. И наоборот, жалоба на Р. Ф. Боборыкина оценивались в ту же сумму. Крестьяне отметили, что от Р. Ф. Боборыкина никаких обид не чинилось, и от его людей никакого «насильства и продаж, и обид» не бывало [17, л. 93, 126 – 127]. Документ датировался мартом 1639 г. Людей бывшего тамбовского воеводы в срок в Казанский приказ не поставили, так воевода ссылался на их отсутствие. На требование вызвать их обратно в Москву, у установив срок прибытия по 100 верст проезда в неделю, ответа не последовало. Из опроса выяснилось, что Р.Ф. Боборыкин приехал на воеводство в Тамбов, взяв с собою своих людей А. Филимонова, Ф. Закурдаева, К. Кириллова и других. В частности, обвинения в «боях», «насильствах» и грабежах получил его человек А. Филимонов.

Для ведения судебного дела Р.Ф. Боборыкин должен был представить роспись поручиков за него и его людей. Эта роспись упоминала 431 человека, включая многих представителей дворянской элиты [17, л. 84 – 87]. Они должны были составить «правежную выпись» для дачи романовых людей на поруки, за «поруками» привести их в Сибирский приказ и поставить для допроса перед боярином и князем Б. М. Лыковым и дьяком Н. Шипулиным.

Р.Ф. Боборыкин вновь подал челобитную на государево имя. Он перечислил все работы, которые провел при строительстве нового города за Шацком на р. Цне. Для этого использовали жителей Шацка, Мурома, Кадома и дворцовых крестьян и мордву Верхоценской волости. Они поставили город, острог, соборную церковь, раскаты, заселили слободы, «учинили» крепости, засеки и надолбы [17, л. 282 – 289]. В остроге построили гостинный двор и кабак, с которых воевода стал собирать прибыль в государеву казну². Р. Ф. Боборыкин напомнил, что при строительстве укреплений многие крестьяне и мордва «бегали», о чем он неоднократно писал на имя государя. За что им «было учинено» наказание. Поэтому причины жалоб со стороны крестьян и мордвы Верхоценской волости воевода видел именно в этих своих действиях, что некоторые крепости он строил только дворцовыми крестья-

¹ Знамена – знак собственности на бортные владения. Мордовское население использовала знамена для скрепления документа вместо подписи.

² Ссылки на наличие гостиного двора больше в сохранившихся описаниях города Тамбова отсутствуют. Возможно, воевода считал строительство таможенной избы заменой гостиного двора.

нами. При этом подчеркнул свои заслуги: государеву казну не «поиздержал», многие прибыли принес, побили татар и отправили в Москву пленных языков, отбили русский полон, после татарских погромов защитили «пришлые» места. Он так же гордился наделением поместьями служилых людей, а старые села Верхоценской волости наполнил крестьянами [13, с. 60 – 105]. Подчеркнул, что после его отъезда, якобы, ни одного человека не прибыло.

Р. Ф. Боборыкин отмечал, что жалобу подали «воровские, ложные» челобитчики, на которых в свою очередь представили челобитную «лутчие» волостные люди [17, л. 311, 318]. Он просил «ложных» челобитчиков Н. Зерншикову, Н. Хрычову с товарищами за их воровское «безделье» запретить посылать сметные грамоты в волость и устраивать там смуту. Р. Ф. Боборыкин получил информацию, что к новому сыщику П. Р. Борятинскому крестьяне на опрос не пошли, что давало ему дополнительные аргументы в споре, подчеркивая возможность сеять смуту среди крестьян и мордвы, вернувшимися из Москвы челобитчиками. Р. Ф. Боборыкин отмечал ложные опросные речи, привезенные в Москву после смерти Ф. Чеботаева, которые якобы правили. Поэтому он предлагал сопровождающих документы людей расспросить и государю доложить о результатах. Он напомнил, что ложные челобитчики заняли в Москве две тысячи руб. (сумма несколько преувеличенная), а многие волостные люди об этих челобитях ничего не знали, чем создали угрозу разорения местного населения. Именно воевода обвинил челобитчиков в выдаче «допрощику» Ф. Чеботаеву 300 руб. денег, его сыну 20 руб. и подьячему 20 руб., мяса, крупы и масла.

Р. Ф. Боборыкин просил во время расспросов в Москве присутствовать ему и его людям, так как князь Б. М. Лыков эту просьбу не поддержал, воеводу из приказа выслал, а его людей расспрашивал порознь в присутствии челобитчиков. Недоумение вызвало наличие допросных речей старост нижней пятины, так как села эти располагались на расстоянии от 100 до 200 верст от Тамбова и, по мнению воеводы, вряд ли могли приехать в Тамбов. Упрек в оформлении бумаг после смерти допрощика был направлен в сторону тамбовского воеводы В. Янова. Допросные речи записывали питерского десятка подьячие А. Клепиков и Г. Дунаев, за что получили 16 руб. жалования [17, л. 395]. Воевода еще раз высказал подозрение, что руки прикладывали священники уже после смерти Ф. Чеботаева на второй и третий дни.

7 января 1639 г. боярину, князю А. М. Львову и приказным дьякам был послан государев указ о передаче сыского дела крестьян и мордвы Верхоценской волости на воеводу Р. Ф. Боборыкина из Приказа Большого дворца в Сибирский приказ. Указ требовал послать в Тамбов государеву грамоту для крестьян, чтобы им Р. Ф. Боборыкина ни в чем не слушать и ничего не давать, а его людей из сел и деревень «выслать вон тотчас» [17, л. 755]. Воеводе В. Янову приказывали выяснить, поехали ли челобитчики в Москву от имени всей волости или самовольно, а также расспросить попов, старост, целовальников, крестьян и мордву и расспросные речи выслать в Москву.

10 февраля 1639 г. в Сибирском приказе перед князем Б. М. Лыковым на очередную очную ставку были поставлены Р. Ф. Боборыкин и челобитчики Н. Зерншиков и Н. Хрычов. На ней воевода отметил, что на него бьют челом не становой староста К. Назарьев, а «покупные» челобитчики. В ответ челобитчики отметили, что они представляют всю Верхоценскую волость. Напомнили о выдаче Р.Ф. Боборыкину «в почесть» деньги и хлеб. На что воевода отметил, что он получил от государевых дел 138 руб., да 189 руб. с выти, 3 четверти ржи, 1 четверть с осминой гречневой крупы. Однако все деньги отослал в съезжую избу, а зерно велел держать у себя до государева указа. Полученные деньги раздал в качестве жалования приборным казакам. Из присланных в Москву приходных книг 1636, 1637 и 1638 годов видно, что собрано пенных пошлинных денег, приказчий доход, у старост явочных сборных пошлин 1125 руб. 3 алтына, 4,5 деньги [17, л. 738].

Тамбовский воевода В. Янов послал 14 сентября 1639 г. из Тамбова в д. Моршу пушкарей К. Золотухина и Г. Четвертакова, которые должны были найти челобитчиков и вы-

слать их в Тамбов для расспроса. Однако крестьяне во главе с Н. Зершиковым отказались подчиняться, ссылаясь на государеву грамоту, запрещавшую им выезжать в Тамбов [17, л. 771 – 777]. Воеводе пришлось посылать вторую группу, которая привезла челобитчиков к воеводе для допроса. Н. Зерщик сказал, что они в Тамбов не поехали, так как у них нет такой государевой грамоты. Другой челобитчик Т. Скоморохов в расспросе настаивал на посылки их в Москву от всей Верхоценской волости. Попытка воеводы привести в Тамбов попов и других крестьян Верхоценской волости не увенчалась успехом, они просто не приехали. Другая часть старост и крестьян прибыли и стали станом около города, не пуская в него представителей других сел. На это пожаловался староста Кулеватовского десятка Т. Потапов, когда явился в съезжую избу. Посланный проверить информацию десятник полковых казаков С. Забродин вернулся в Тамбов и рассказал о круге крестьян около с. Татаново и крестьянах, с ослопьем его охраняющих. Тогда воевода послал туда десятника Ф. Широва и 10 полковых казаков для привоза челобитчиков. Казаки попытались арестовать 2 мордовцев, однако круг им этого не дал сделать, а все крестьяне разбежались по Верхоценской волости. Ф. Широв доложил воеводе, что вся смута в волости происходит от крестьян д. Морши.

В это время из Приказа Большого двorca в Сибирский приказ была послана челобитная 16 крестьян с. Татаново, д. Корелей и Алкужи, в которой они отрицали обиды и утеснения от Р.Ф. Боборыкина. Челобитную подписали священники ряда сел Верхоценской волости, крестьяне и мордва. Дело принимало запутанный оборот, оказалось, что многие крестьяне не знали о подаче челобитных и претензий к прежнему воеводе. Доказать факт взятки первым сыщикам не удавалось, как и выдачу 4 ведер вина, 50 середок ветчины, трех осмин круп и масла. Большинство опрашиваемых не могли подтвердить внесения поправок в опросные листы после смерти сыщика Ф. Чеботаева, тем более, факта приезда крестьян для сыска из дальних сел и деревень, отстоящих от Тамбова более 100 верст. Прибывшие в Тамбов крестьяне собрались на казачьем дворе в остроге и начали писать свои речи. Дьячки А. Клепиков и Г. Дунаев вели эти записи и составили новую челобитную в Москву для Т. Митянина с товарищами. Сыщику удалось собрать немногие «речи» прибывших 50 человек.

Однако верхоценские крестьяне написали в январе 1640 г. челобитную в Сибирский приказ и на П. Р. Борятинского с жалобой на его действия в Тамбове. Грамоту от 7 января 1640 г., подписанную дьяком Сибирского приказа Н. Шипулиным, повез пристав Б. Глазов, получивший на прогоны до Тамбова и обратно 22 алтына 4 деньги. Н. Шипулин сослался на челобитную жалобщиков, поданную в Тамбове за две недели от «Николина дня», то есть, от 6 декабря 1639 г. Однако приехавший сыщик их не принял и челобитные не взял. За что Н. Шипулин упрекал князя «И ты то учинил не гораздо, что у них речей не емлешь» [17, л. 333]. Сибирский приказ опять потребовал взять у съехавшихся в Тамбов попов и остальных жителей обыскные речи по статьям из наказа за их или их духовных отцов руками. Сыщика предупреждали, чтобы он никому «не наровил», не брал посулов и поминок, и собранные обыски отвез в Москву.

Одновременно прошла жалоба на поведение нового тамбовского воеводы В. Янова, который «дружа» своему предшественнику Р.Ф. Боборыкину не давал вести повсеместный обыск [17, л. 337 – 339]. Он «лутчих» мирских людей хватал и сажал в тюрьму, бил «смертным правожом», правил государевы подати, что фактически способствовало замирению челобитчиков с Р. Ф. Боборыкиным. Допрошенные на очной ставке местные жители отвергали выдачу прежнему допрощику Федору Чоботову какие-то посулы деньгами, подчеркивая, что все допросные речи записывались при самом подьячем, а не после его смерти.

Крестьянин с. Томниково В. Смагин подал челобитную на крестьянина с. Алакужи М. А. Пекушева, вспомнив, что в 1637 г. Р. Ф. Боборыкин послал своего человека М. Крыпова в с. Томниково, когда тот крестьянин с сыном был в своем бортном ухожье. М. Кры-

пов взял его жену и другого сына в Тамбов, двор опечатал, жену заковал в железо, пытал без государевой грамоты, «мукой мучили», требовали 100 руб. Подобную челобитную представил крестьянин Верхоценской волости П. Шуетин, за что его посадили в железо в Сибирском приказе. А приехал он в Москву с мордвином И. Кистановым. Челобитную он оформил у неизвестного дьячка на Ивановской площади. Он подчеркнул, что зарядная записка с Р. Ф. Боборыкиным о примирении на 6000 руб. осталась у И. Кистанова. Когда они приехали в Верхоценскую волость, то передали ее попу, имя которого не помнит. И ту мировую запись поп на площади в Тамбове «во весь мир прочел» [17, л. 308]. За это П. Шуетина и его товарища мордвина Б. Шинкина хотели убить ослопьем, так как им не давали права подписывать мировую. А воеводе В. Янову и тамбовским пушкарям и казакам, по их словам, текст мировой был известен. Челобитчики, Т. Митянин с товарищами, которые подали челобитную против челобитной П. Шуетина, отметили, что они Ф. Чеботаеву и его сыну никаких денег, круп, ветчину и 50 пуд. меда не давали, допросных речей после смерти допрощика не вписывали [17, л. 516 – 527]. Т. Митянин рассказал, что он с Р.Ф. Боборыкиным не стоял, так как тот взял у него 120 руб., а у его товарищей Пятины Васильева – 50 руб., у Ивана Леонтьева – 20 руб. и черно-бурую лисицу. Они подтвердили получение разрешения на челобитную от всей Верхоценской волости, всех четырех пятин 1080 дворов.

П. Шуетин отметил в расспросе, что он подал челобитную боярину Б. М. Лыкову на паперти за своею печатью, которую затем потерял. «Черную» челобитную с ним послали старосты С. Трепилин, В. Пороватов с товарищами от имени всей Верхоценской волости. Писал черную грамоту прихожий дьячок от имени старост Верхоценской волости, крестьян и мордвы. На миру с Р.Ф. Боборыкиным присутствовали всего 17 человек во главе с С. Трепилиным и В. Пороватовым. Они помирились с бывшим тамбовским воеводой. В Москве с черной челобитной писал белую челобитную у Покрова на рву дьячок, а черную он оставил у себя. П. Шуетин пытался затем два дня безуспешно найти этого дьячка, но так его и не обнаружил.

П. Шуетин напомнил наличие в Москве прежних 14 челобитчиков, которые взяли заем в Москве по 5 руб. за один месяц у трех заемщиков. Прежние челобитчики заняли у кузнеца по прозвищу Подхолюза 700 руб., которые должна была выплатить вся волость перед Рождеством. За остатком долга кузнец поехал в Верхоценскую волость сам. Еще П. Шуетин настаивал, что допрощику выдавали деньги, вино, крупу и ветчину, а также обещали три подводы до Переславля-Рязанского и 50 пудов меда. В ответ Н. Хрычов и Т. Митянин с товарищами при допросе отметили, что они ни у кого денег не брали, а от всей волости челобитчикам выдали не по 4 руб. человеку, а по 2, 2,5 и 3 руб. Т. Митянин поехал с допросными речами четыре дня спустя со своей Верхней пятины на низ по всем пятнам. А с нижней пятины с ним послали «посыльщиков». Они приехали в Москву, где, якобы, склеили допросные речи воедино.

Челобитчики, становые старосты, выборные целовальники С. П. Трепилин, В. Пароватов, Т. Федотов, П. Шуетин все крестьяне и мордва помирились с Р. Боборыкиным по приказу и совету всей Верхоценской волости. Мировую подали на имя государя за своими руками и знаменами. После этого их наймиты, которые жили на Москве, Н. Зерщик, Н. Хрычов и М. Сазыкин били государю ложно, будто мировая подписывалась без ведома всей Верхоценской волости. Однако грамоты у них не было, жили они на Москве ложно и назанимали 1,5 тысячи рублей. Они хотели по-прежнему «корыстываться», а отчет о расход денег не давать, им не предоставляли право о мирских делах бить челом и занимать денежные кабалы. «И они, государь воруют ныне после миру в ту тяжбу деньги в кабалы здесь на Москве в наши головы взимают» [17, л. 533]. Они сами были не из Верхоценской волости, а только наймиты, исков их на Р.Ф. Боборыкина и его людей нет и не было. «Ложные» челобитчики, якобы, послали из Москвы своего товарища М. Созыкина к своим товарищам в Верхоценскую волость к Н. Мельситову, Н. Федорову, К. Арсенинову с товарищами, кото-

рые съехали из Москвы без государева указа и отпуска. А в допросных речах руки попы за свою паству прикладывали «к тем бездельным речам», якобы, опасаясь «от тех воров смертоубийства» [17, л. 532].

Первые челобитчики называли себя крестьянами волости старинными и «искони вечные», что на них лежит тягло «большое» на каждом по 5, 6 и по 10 четей, да большой верховой налог, а на тех «ложных» челобитчиков такого налога нет, так как они новоприходцы, а на всякой чети у них живут всего по два три человека. Они опасались, что «ложные челобитчики» хотят «нас, твоих сирот погубить». Те составные челобитные писали их товарищи А. Клепиков и Г. Дунаев, которые получили за это 16 руб. Они просили дать в Тамбов государеву грамоту, чтобы не было в Верхоценской волости смуты, и требовали государю запретить новым челобитчикам брать деньги взаймы в кабалу и не перекладывать на них «заемные» и «кабальные» деньги. В результате в допросных речах всех четырех пятин Верхоценской волости были опрошены 1194 русских и мордовских старост, крестьян и мордвы [17, л. 540].

При очной ставке в Сибирском приказе у боярина и князя Б. М. Лыкова челобитчики подали поручную запись с перечислением собранных людьми Р. Ф. Боборыкина со старост, целовальников и крестьян доправочных и вымученных денег за 1647 и 1648 гг. Суммы от каждого двора встречались разные: от 2 до 32 руб. Так, в с. Томникова у Архангельского попа взяли 6 руб. и грабежом 2 лука и ковер [17, л. 596 – 597]. В челобитной людей Р. Ф. Боборыкина обвинили в том, что они крестьян, не выплативших пени, задерживали, ломом ломали подклети и туда сажали мирских людей, затем вытаскивали их обратно, мучили и «на смерть» били. От этого, якобы, многие разбрелись по своим бортным вотчинам, побросав свои дворы.

А. Филимонов в допросе сказал, что он не знает, кто писал эту память, сам он не судил и пошлин не собирал. Он вспомнил, что еще в 1632 г., когда Р.Ф. Боборыкин служил шацким воеводой, его отправили в нижние пять деревень, и в д. Агломазове мирские люди его ограбили, взяли «грабежом» воеводских денег шестьсот с лишним руб. и чуть не убили. Он не смог ни на кого сослаться, так все происходило без свидетелей. Возможно, то давнее происшествие послужило поводом агрессивного поведения А. Филимонова по прибытию в Тамбовский уезд.

Крестьяне с. Томникова пожаловались на посылку в 1638 г. почти ежемесячно в волость людей Р. Ф. Боборыкина Ф. Закурдаева и М. Кирилова, которые мучили крестьян, занимались правежом [9, с. 118 - 136]. М. Кирилов вымучил с них 5 руб. и, якобы, выколол глаз М. Сазыкину. Последний просил очной ставки с Р.Ф. Боборыкиным и Ф. Закурдаевым в Казанском приказе. В. Закурдаева обвинили в правеже с крестьян Питерского десятка денег, сборе с деревень Алакужи, Борков, Карелей, Новоселок, Устья, сел Сокольниково, Томниково 2905 руб. Например, с крестьянина А. Шигеманова, якобы, «вымучил разными пытками» 40 руб., с нескольких крестьян по 20 – 23 руб., что отражало достаточно высокую доходность бортных ухажав местного населения [17, л. 601 – 602]. В. Закурдаев отказался от обвинений, отмечая, что никаких денег правежом не собирал, никого не мучил, не пытал и глаз у М. Сазыкина не вышибал. После расспроса в приказе выяснилось, что глаз М. Сазыкину выбил М. Крылов. Крестьяне и мордва Верхоценской волости просили государя собирать пошлины с них по-прежнему приказным людям, а не воеводам. Чтобы от Романова разорения «вконец не погибнуть» [6, с. 995 – 104; 17, л. 785].

Подобные челобитные писали многие старосты, крестьяне и мордва Верхоценской волости. Они подтверждали, что воевода привлекал их к строительству города, для засечного дела, никаких налогов лишних на них не накладывал и челобитная в Сибирский приказ была написана без их ведома. С низовых пяти деревень и Ининой слободы человек Р.Ф. Боборыкина К. Кириллов собрал 215,5 руб. 20 алт. [17, л. 605 – 606] Сам К. Кириллов сказал, что только отвозил старостам в волость память от воеводы, жил в избе пять дней, ника-

ких денег, лошадей и мед не брал. Такая же жалоба поступила на другого человека Р.Ф. Боборыкина о сборе в 1647 – 1648 гг. в с. Носино 17,5 руб. Однако, Я. Насонов вообще в этот период только на три дня приезжал в Тамбов, а остальное время находился в подмосковном селе Саватове. Обвинения в правеже денег, в том числе и ссудных, в разные годы предъявили людям Р. Ф. Боборыкина: попу Кириллу и Б. Провоторову. Но они отказались от показаний, что вершили суд в Верхоценской волости, поскольку это делали старосты, сами были только «послухами», проживали в селах по три, четыре и даже по шесть недель, а денег не собирали.

При опросе вспомнили еще один случай, происшедший в Верхоценской волости. В 1638 г. Т. Федотов подговорил К. Филиппова, братьев Еданиных убить А. Попова. Р. Ф. Боборыкин всех участников убийства посадил в тюрьму. Другой тюремный сиделец Б. Смагин убил крестьянина В. Бирюкова и на допросе перед воеводой повинился. Местный священник Максим без государева указа, осмотра и похоронной памяти убитого похоронил. В ответ на это крестьяне с. Березова Д. Хохлов с друзьями, узнав о переводе Р.Ф. Боборыкина из Тамбова, приехали в город и угрожали убить воеводу, что заставило его отпустить на волю четырех тюремных сидельцев вместе с Т. Федотовым, оставив только одного крестьянина К. Филиппова. Именно эти «душегубцы», по мнению Р.Ф. Боборыкина, завели на тамбовского воеводу «ложное» челобитье, затаив обиду за пытки.

При очной явке с челобитчиками Р. Ф. Боборыкин сказал, что ему до старосты Ю. Беляева дела нет. Он человек их мирской и что он с них собирал налоги он не знает, пусть они сами с ним разбираются. Ю. Беляев в расспросе отметил, что Р.Ф. Боборыкин заставлял их в 1636 г. строить город Тамбов, возить лес и мерзлую землю. И чтобы их распустить по домам они дали ему 1000 руб., другую тысячу собрали, для отпуска в бортные ухажья, а третью тысячу ему собрали, когда он находился в Москве [17, л. 785]. Однако доказать это так же не удалось. А люди воеводы, когда приезжали к нему в десяток, то он их поил и кормил.

После завершения опросов сыщик П. Р. Борятинский поехал на Масленичной неделе из Тамбова и приехал в Москву 26 февраля. Уже 28 февраля 1640 г. он представил боярину Б.М. Лыкову и дьяку Н. Шифулину собранные расспросные речи крестьян и мордвы, подал челобитную на имя государя, в которой просил не верить прежним челобитчикам, называя их челобитную «воровской», которые в Москве хотели подать ложные обыскные речи [17, л. 308].

Боярин Б. М. Лыков еще 8 февраля 1640 г. лично доложил расспросные речи крестьян Верхоценской волости и челобитные Р. Ф. Боборыкина государю [17, л. 337 – 339]. Было принято решение оставить 5-6 челобитчиков из второй группы в Москве, а остальных отправить по домам. А первых челобитчиков приказали доставить к Москве, чтобы они сами выбрали из своей среды представителей для допроса.

В разгар судебного дела произошло небольшое, но весьма примечательное событие. 16 октября 1640 г. на имя государя подал челобитную мордвин И. Кистанов, который среди других челобитчиков приехал в Москву и был задержан приставом [17, л. 807 – 815]. Он находился при смерти и просил разрешения у государя принять христианство. Его челобитную приняли, государь велел отправить его крестить в православную христианскую веру на Патриарший двор к боярину С. В. Колтовскому и доложить об этом патриарху Иоасафу. На Патриаршем дворе 20 октября И. Кистанова крестили с именем Иван, а 22 числа он там же скончался.

Пример оказался заразительным и подобные челобитные на имя государя поступили 14 ноября 1640 г. и 5 января 1641 г. от других «мировщиков», взятых в Сибирский приказ для сыска: мордвинов д. Морши Б. Шиняева и Ю. Беляева. После их крещения на Патриаршем дворе Б. Шиняева отпустили обратно в Верхоценскую волость. То есть, акт крещения давал возможность прощения участия в подаче челобитной и отправки к себе домой. Власть

придала этому делу серьезное значение как пример перехода от язычества к православию для всей мордвы Верхоценской волости. Ю. Беляева разрешили крестить на Патриаршем дворе, с условием затем вернуть в Сибирский приказ, но не отпускать его домой.

12 августа 1640 г. в Тамбов воеводе В. Янову пришла государева грамота о присылке нового пристава М. Дробышева. По приезде пристава, воевода передал ему тамбовских пушкарей и «разсылщиков» для сыска крестьян Верхоценской волости. Спустя некоторое время руководство Сибирского приказа получило информацию, что сыщик М. Дробышев в указанный срок к 14 сентября 1640 г. в Москву не вернулся, никого не привез, а находится в Верхоценской волости, пьет, бражничает и на местных крестьян «чинит» налоги. Тамбовского воеводу обязали отыскать пристава и вместе с крестьянами отправить в Москву для отчета.

Чем закончилось это длительное и большое дело документы не указывают. Однако, дальнейшая судьба воеводы, стольника Р. Ф. Боборыкина показывает сохранение доверия к нему со стороны царя. Он после Тамбова продолжил пребывать при государевом дворе, затем в 1642 г. стал воеводой в Яблнове, а в 1647 – 48 годах воеводой в Козлове. Скорее всего, пострадали челобитчики, оказавшиеся в Москве, которых вскоре вернули на прежнее место жительство в Верхоценскую волость. Возможно, их наказали батогами и отдали на поруки. Значительные расходы на ведение суда испугали дворцовых крестьян, они могли потерять значительно больше денег, чем получить от бывшего воеводы Р. Ф. Боборыкина. Да и обвинения в смуте являлось серьезным проступком. Акт примирения был принят и конфликт оказался исчерпан.

4. Заключение

Следственное дело показало работу механизма проверки коллективных челобитных. Для этого в уезд посылались сыщик, полномочия которого позволяли опрашивать всех жителей уезда и получать помощь от местного воеводы. Следственное дело отразило высокую заинтересованность лично царя в рассмотрении результатов работы своих воевод, особенно это касалось личных доходов с государевой дворцовой волости. Оно же отразило активную роль священников в защите интересов дворцовых крестьян. Будучи единственно грамотными людьми в селах, они скрепляли своими подписями челобитные, вставляли на защиту интересов крестьянского мира против произвола воевод. Сами челобитные писались профессиональными площадными подьячими и стоили достаточно дорого. Сбор материалов по следственному делу предусматривал наличие информации о компромате на обвиняемых, высокую активность дворцовых крестьян в отстаивании своих интересов, желанием вернуться к традиционной форме сбора налогов дворцовыми приказчиками.

Список источников и литературы

1. Аракчеев, В. А. (2014). *Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяжлых сословий в России второй половины XVI – начала XVII в.* М.: Древлехранилище. 356 с.
2. Варенцова, Л. Ю. (2015). *Государева десятинная пашня в XVII в.* // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 2 (34). С. 5 –11.
3. Варенцова, Л. Ю. (2015). *Из истории приказа Большого дворца в XVII в.* // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 3 (35). С. 26 – 33.
4. Варенцова, Л. Ю. (2016). *К вопросу о воеводском правлении в дворцовых городах и селах России XVII века* // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: науч. ежегод. факультета права НИУ «Высшая школа экономики» / отв. ред. И. В. Михеева. Нижний Новгород: Растр, НИУ ВШЭ – Нижний Новгород. Вып. 3. С. 314-322.

5. Варенцова, Л. Ю. (2017). *Ратная повинность дворцовых уездных и посадских людей в России XVII в.* // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности. Нижний Новгород: НИУ ВШЭ. Вып. 4. С. 327 – 333.

6. Варенцова, Л. Ю. (2018). *Характерные черты повинностей дворцовых бортников и мордвы в Нижегородском крае в конце XVI–XVII в.* // Прикладные исследования в поле регионального стратегического дискурса современной России. Основные итоги научной работы в Нижегородском институте управления в 2017 г.: сб. науч. ст. науч.-практ. конф., посвящ. Дню рос. науки. Нижний Новгород. С. 95-104.

7. Варенцова, Л. Ю. (2018). *Институт приказчиков в системе управления дворцовыми землями Российского государства XVII в.* // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Т. 4. № 1. С. 164 – 173.

8. Варенцова, Л. Ю. (2018). *Институт воевод в системе управления дворцовыми землями Российского государства XVII в.* // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: научная ежегодная конференция / ответственный редактор: И. В. Михеева, М. Е. Лошкарева. Нижний Новгород: НИУ ВШЭ – Нижний Новгород. Вып. 5. С. 279 – 289.

9. Варенцова, Л. Ю. (2020). *Дворцовое сельское хозяйство в России в XVII в.* // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Т. 6. № 3 (23). С. 118-136.

10. Вершинин, Е. В. (1991). *Воеводская власть и урало-сибирское население в XVII в.* // Власть, право и народ в эпоху феодализма. Свердловск: Институт истории и археологии УрО РАН. С. 21-24.

11. Глазьев, В. Н. (2007). *Воронежские воеводы и их окружение в XVI – XVII веках.* Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края. 168 с.

12. Дубасов, И. И. (2006). *Очерки из истории Тамбовского края.* Тамбов: Тип. Губернского правления. 189 с.

13. Мизис, Ю. А. (2012). *Воевода Московского царства (Р.Ф. Боборыкин на государевой службе).* Тамбов: Мичуринск. 362 с.

14. Мизис, Ю. А., Напольникова, П. К. (2022). *На южных рубежах Московского государства: в 3 кн.* Тамбов: Изд. дом «Державинский». Кн. 1. 327 с.

15. Напольникова, П. К. (2014). *Адаптационно-деятельностная модель освоения южнорусского пространства в XVI – начале XVII в.* // Границы и пограничье в южнороссийской истории: материалы Всерос. науч. конф. Ростов н/Д. С. 380-384.

16. Напольникова, П. К. (2014). *Бортные знамена цининской мордвы XVII в.* // Финно-угорские языки и культура в социокультурном ландшафте России: материалы 5 Всерос. конф. финно-угроведов. Петрозаводск. С. 370-373.

17. Российский государственный архив древних актов. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 3. № 106.

18. Соколова, Н.В. (2019). *«Бортники служилые». Государевы или государственные? (К изучению изменений в социальной стратификации российского общества в XV – первой четверти XVII в.)* // Вызов времени: становление централизованного государства на Востоке и Западе Европы в конце XV – XVII в. Калуга: Калужский государственный институт развития образования. С. 430-438.

19. Сушкова, Ю. Н. (2017). *Специфика государственно-правового управления мордвой (XVI-XVII вв.)* // Вестник Московского университета. Сер.11. № 1. С.57-58

20. Черменский, П. Н. (1991). *Очерки по истории колонизации Тамбовского края* // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. № 54. С. 187-271.

References

1. Arakcheev, V. A. (2014). *Vlast' i «zemlya»: Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii tyaglykh soslovii v Rossii vtoroi poloviny XVI – nachala XVII v.* [Power and “land”: Government policy regarding the tax classes in Russia in the second half of the 16th – early 17th centuries] Moscow, Drevlekhranilishche. (in Russian).
2. Varentsova, L. Yu. (2015). *Gosudareva desyatinnaya pashnya v XVII v.* [The sovereign's tithe arable land in the 17th century] in *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki.* 2 (34), 5–11. (in Russian).
3. Varentsova, L. Yu. (2015). *Iz istorii prikaza Bol'shogo dvortsa v XVII v.* [From the history of the order of the Grand Palace in the 17th century] in *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki.* 3 (35), 26-33. (in Russian).
4. Varentsova, L. Yu. (2016). *K voprosu o voevodskom pravlenii v dvortsovykh gorodakh i selakh Rossii XVII veka* [On the issue of voivodship rule in the palace cities and villages of Russia in the 17th century] in *Narod i vlast': vzaimodeistvie v istorii i sovremennosti: nauch. ezhegod. fakul'teta prava NIU «Vysshaya shkola ekonomiki» / otv. red. I. V. Mikheeva.* Nizhnii Novgorod: Rastr, NIU VShE – Nizhnii Novgorod. 3, 314-322. (in Russian).
5. Varentsova, L. Yu. (2017). *Ratnaya povinnost' dvortsovykh uezdnykh i posadskikh lyudei v Rossii XVII v.* [Military conscription of palace district and townspeople in Russia in the 17th century] in *Narod i vlast': vzaimodeistvie v istorii i sovremennosti.* Nizhnii Novgorod, NIU VShE, 4, 327-333. (in Russian).
6. Varentsova, L. Yu. (2018). *Kharakternye cherty povinnosti dvortsovykh bortnikov i mordvy v Nizhegorodskom krae v kontse XVI–XVII v.* [Characteristic features of the duties of palace beekeepers and Mordovians in the Nizhny Novgorod region at the end of the 16th–17th centuries] in *Prikladnye issledovaniya v pole regional'nogo strategicheskogo diskursa sovremennoi Rossii. Osnovnye itogi nauchnoi raboty v Nizhegorodskom institute upravleniya v 2017 g.: sb. nauch. st. nauch.-prakt. konf., posvyashch. Dnyu ros. nauki.* Nizhnii Novgorod, 95-104. (in Russian).
7. Varentsova, L. Yu. (2018). *Institut prikazchikov v sisteme upravleniya dvortsovymi zemlyami Rossiiskogo gosudarstva XVII v.* [The Institute of Clerks in the Management System of Palace Lands of the Russian State in the 17th Century] in *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates.* 4, 1, 164-173. (in Russian).
8. Varentsova, L. Yu. (2018). *Institut voevod v sisteme upravleniya dvortsovymi zemlyami Rossiiskogo gosudarstva XVII v.* [The institution of governors in the system of managing the palace lands of the Russian state in the 17th century] in *Narod i vlast': vzaimodeistvie v istorii i sovremennosti: nauchnaya ezhegodnaya konferentsiya / otvetstvennyi redaktor: I. V. Mikheeva, M. E. Loshkareva.* Nizhnii Novgorod, NIU VShE – Nizhnii Novgorod, 5, 279-289. (in Russian).
9. Varentsova, L. Yu. (2020). *Dvortsovoe sel'skoe khozyaistvo v Rossii v XVII v.* [Palace agriculture in Russia in the 17th century] in *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates.* 6, 3 (23), 118-136. (in Russian).
10. Vershinin, E. V. (1991). *Voievodskaya vlast' i uralo-sibirskoe naselenie v XVII v.* [Voivodship power and the Ural-Siberian population in the 17th century] in *Vlast', pravo i narod v epokhu feodalizma.* Sverdlovsk, Institut istorii i arkhologii UrO RAN, 21-24. (in Russian).
11. Glaz'ev, V. N. (2007). *Voronezhskie voevody i ikh okruzhenie v XVI – XVII vekakh* [Voivodship power and the Ural-Siberian population in the 17th century]. Voronezh, Tsentr dukhovnogo vrozhdeniya Chernozemnogo kraya. (in Russian).
12. Dubasov, I. I. (2006). *Ocherki iz istorii Tambovskogo kraya* [Essays from the history of the Tambov region]. Tambov, Tip. Gubernskogo pravleniya. (in Russian).

13. Mizis, Yu. A. (2012). *Voevoda Moskovskogo tsarstva (R.F. Boborykin na gosudarevoi sluzhbe)* [Voivode of the Moscow Kingdom (R.F. Boborykin in the sovereign service)]. Tambov, Michurinsk. (in Russian).

14. Mizis, Yu. A., Napol'nikova, P. K. (2022). *Na yuzhnykh rubezhakh Moskovskogo gosudarstva* [On the southern borders of the Moscow state]. Tambov, Izd. dom «Derzhavinskii», 1. (in Russian).

15. Napol'nikova, P. K. (2014). *Adaptatsionno-deyatel'nostnaya model' osvoeniya yuzhno-russkogo prostranstva v XVI – nachale XVII v.* [Adaptation-activity model of development of the southern Russian space in the 16th – early 17th centuries] in *Granitsy i pogranichie v yuzhnorossiiskoi istorii: materialy Vseros. nauch. konf.* Rostov n/D, 380-384. (in Russian).

16. Napol'nikova, P. K. (2014). *Bortnye znamena tsninskoï mordvy XVII v.* [Side banners of the Tsna Mordovians of the 17th century] in *Finno-ugorskie yazyki i kul'tura v sotsiokul'turnom landshafte Rossii: materialy 5 Vseros. konf. finno-ugrovedov.* Petrozavodsk, 370-373. (in Russian).

17. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, op. 3, 106. (in Russian).

18. Sokolova, N. V. (2019). «Bortniki sluzhilye». *Gosudarevy ili gosudarstvennyye? (K izucheniyu izmenenii v sotsial'noi stratifikatsii rossiiskogo obshchestva v XV – pervoi chetverti XVII v.)* in *Vyzov vremeni: stanovlenie tsentralizovannogo gosudarstva na Vostoke i Zapade Evropy v kontse XV – XVII v.* ["Service beekeepers." Sovereigns or state ones? (Towards the study of changes in the social stratification of Russian society in the XV - first quarter of the XVII century)]. Kaluga, Kaluzhskii gosudarstvennyi institut razvitiya obrazovaniya, 430-438. (in Russian).

19. Sushkova, Yu. N. (2017). Spetsifika gosudarstvenno-pravovogo upravleniya mordvoi (XVI-XVII vv.) [Specifics of state and legal management of the Mordovians (XVI-XVII centuries)] in *Vestnik Moskovskogo universitet*, 11 (1), 57-58. (in Russian).

20. Chermenskii, P. N. (1991). *Ocherki po istorii kolonizatsii Tambovskogo kraya* [Essays on the history of colonization of the Tambov region] in *Izvestiya Tambovskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 54, 187-271. (in Russian).